

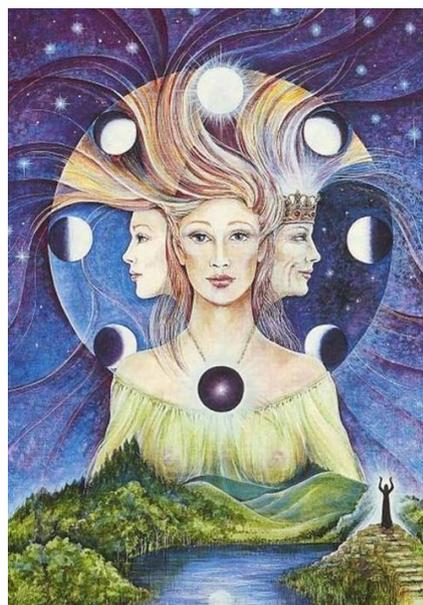
Дина Терещенко «Не признаю стихов, что из обмана...»

*А я ожила! Пугающее бывало.
Над злом возвышает меня доброта.
И мало мне жизни. И неба мне мало.
И красок - для нового - мало холста.*

НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

Откуда род наш человеческий? Откуда я —
малая частица непознанной Вселенной?
Порой мне кажется, что я блуждаю
по нескончаемому Космосу, ищу звезду,
где я была живым и сильным атомом,
я брошена на землю, как зерно: "Расти!"
И я росла и вырастила звездочку,
и на нее взирая, терпеливо жду:
а что же будет дальше?
И все-таки, молчание Вселенной —
не молчанье.
В себе я слышу музыку ее,
иной раз вздрагивая от непонятных
обжигающих мелодий.
Вселенная — во мне.
И я — ее частица.
Зерно.
Я, женщина, — начало всех начал!

Стихи подобны ранам и ожогам,
когда они рождаются из сердца,
а если это — лишь кроссворды мозга —
таким стихам жить вечно не дано.
Смотрите Пушкина! Он весь — ожог и рана...
Не признаю стихов, что из обмана,
но с этикеткой "правды" рождены.
Они, как глупый ухажёр, скучны.
Стихи подобны ранам и ожогам!
Нет, вовсе я не критик строгий
и не творец стихов морковных и убогих
и не большой знаток стихосложения,
но для меня стихи — самосожжение,
в котором птица вечная живёт!

*Как странно, как больно, я знаю,
я знаю, ты любишь меня.
Украдкой слезу утирая, и голову наклоня,
ты смотришь в окно на прохожих,
Мой милый, мой добрый, прости!
Мы оба с тобою похожи
на старых синиц, что в пути.*

НОША

Мою ношу самой нести.
Мою память зажать в горсти.
Моей песне сказать: "Прости,
что тебя я не допою".

Были, были светлы пути,
было травам тепло расти,
было вишням легко цвести,
а теперь они — без корней.

Я не жалею! Бог спасет.
Я не плачусь. Мой утлый плот
в дали тихие уплывет
от людей с чернотой в душе.

Буду ношу свою нести.
Буду Память держать в горсти.
Буду песне шептать: "Прости!"
Да поможет мне в этом Бог!

Вот и схлынула с неба серость.
Вот и звездочка в небе зажглась.
Ах, как нынче мне горестно пелось!
Ах, как сердце исплакалось всласть!
Может быть, где-то там, ближе к Богу,
кто-то вспомнил меня, пожалев,
что тернистую эту дорогу
я прошла. И, ее одолев,
я за жизнь, что пока не угасла,
все еще не хочу отцветать,
что в лампадке моей вдосталь масла,
и его мне еще подливать.

О, не дай мне, не дай мне опомниться,
говори, говори, говори.
Я и грешница, я и скромница,
как ты щедро меня одарил.
Я плету, я плету свое кружево
из твоих полупризрачных слов,
завяжу узелочек потуже я,
и мой странный рисунок готов.
Распущу свое белое кружево
и с ладони слезинку смахну,
ах, мой суженый, да не сужденный,
я останусь в твоём плену.
О, не дай мне, не дай мне опомниться,
говори, говори, говори...

Гордость моя, уймись,
не превратись в гордыню.
Вся моя прошлая жизнь -
рядышком где-то доньне.

Рядышком, следом идет
блаженною, горькою тайной,
дорогой, где не был случайным
ни один поворот...

Столько вместилось в груди!
Осколки — кругом... Не поранься!
Гордыня моя, уйди.
Гордость моя, останься

Ты говорил, что ты мой друг.
И говорили все вокруг,
Что ты мой друг.

Скажи, а где ты был тогда,
Когда пришла ко мне беда?
За тыщи вёрст? Вдали, в пути,
Не мог на помощь мне прийти?

Нет, в этот самый трудный час
Ты рядом был со мной. Но ты...
Но ты моих не видел глаз,
Моей не видел маяты.

Держал ладонь мою в своей,
Как будто снег прошёл по ней.
Ты говорил со мной. О чём?

Когда б два сердца было у меня,
то всё равно б тебе они принадлежали,
земля моя,
любовь моя!
Все радости
и все печали
твои -
моими были.
Я капелька в твоём сердцебиенье,
кровинка, что тобою рождена,
и мало сердца одного,
чтобы тебя любить.

Всё о себе, да о себе,
Всё дело в собственной судьбе?

Но вот уже прошли ненастья,
Прошла моя беда.
Без твоего прошли участия
Без твоего труда.

Другие люди были рядом
Хоть я их не ждала тогда...
Бывает под одним лишь взглядом
Вдруг отвращается беда.

Ты говорил, что ты мой друг
И до сих пор твердят вокруг,
Что ты мой друг.

Красный конь воспоминаний,
неподкован, мчишь куда?
Годы наших расстояний
высоки, как та звезда,
что, смирившись, откровенно
светит нам своей слезой.
Красный конь, о друг мой верный,
ты не гнался б за звездой!
Не догонишь, не домчишься,
высока и далека...
Нас с тобою снова ищет
поотставшая строка.

Красный конь воспоминаний,
ты копытами не бей.
Понимаю, ты изранен...
Стой у памяти моей.
И она вся в шрамах, в шрамах,
в жутких сполохах войны.
На далеких на полянах
все высоты нам видны.
Красный конь воспоминаний!
Вновь в нелегкие пути...
Ты устал. И ты изранен.
Да и я! Но нам — идти...

Я стала похожа на дерево,
с которого вот-вот сорвется
последний лист.
Я забыла слово: "Не могу!"
Я знаю слово: "Надо!"
Надо войти в ледяную реку,
не умея плавать.
Надо смолчать, когда глупец взахлеб
убеждает тебя, что он умен.
Надо писать свои разнесчастные стихи
по ночам, потому что днем — нет дня, есть
работа, черная работа. Надо. Надо!
А на языке вертится: "Хочу к морю!"
И еще: "Хочу тишины,
хочу сочувствия, хочу понимания!"
И если этого нет, рождается одиночество души.

*Я в этом мире — квартирантка,
мой дом на кончике строки,
наводят дуло чужаки,
и мой автограф — кровь подранка.*

"Встретимся на горизонте"

Встреча на горизонте?
Какой там горизонт...
Не парашют, а зонтик,
обыкновенный зонтик
в моих руках доверчивых.
И я - на мокрый асфальт...
Ну, что ж, удивляться нечего,
фальшивят и бас, и альт.
"Встреча на горизонте" —
ишь ты, как хватанул!
Вы горизонт не троньте,
не наставляйте дул.
Было — не раз стреляли
по моему горизонту.
Предательски заменяли
парашют на зонтик.

И МАЛО МНЕ ЖИЗНИ

Меня сочиняли события, люди,
восторги, потери, смешки и хула.
Меня убивали из древних орудий,
а я оживала и снова жила.
И снова живу! Пострашнее бывало!
Остались кладбища. Святыня. Цветы...
А зло в меня целилось — не попадало.
Ладони раскрою — столбы и кресты...
И все-таки солнце утрами светило,
и все-таки гнев умирала любовь.
Я на поединок опять выходила
и молвила: "Что же, иди, прекословь!"
Но зло повисало гнилушкой на ветке,

его обходили ветра и дожди,
и, жалкое, словно предатель в разведке,
понять не хотело, что все позади.
Все, все, что недобрым означено словом
неверность и трусость, и фальшь, и навет,
под грузом, под черным, под вечным
покровом —
гнилушкой, не излучающей свет.
А я ожила! Пострашнее бывало.
Над злом возвышает меня доброта.
И мало мне жизни. И неба мне мало.
И красок — для нового — мало холста.

Такого быть не может,
чтоб женщина в моих летах – влюбилась...
Однако – это так!
И посветлело небо,
а март мне дарит
теплую улыбку,
и молодость
вернулась рано утром.
Я еще спала, но молодость
скользнула незаметно
в дверь мою и прошептала:
«Проснись, я здесь. Я жду. Я не уйду
быть может – никогда».

*«О, любите меня, любите,
Помешайте мне умереть!»*

И. Одоевцева

Полюбите меня, полюбите!
Я недолго еще проживу.
Уплывает мой дивный Китеж,
да и я вслед за ним уплыву.

Буду там я морской царевной,
буду там о вас тосковать
и, наверное, и наверно
печальные оды слагать...

Ах, не нужно мне царского трона,
мне не надо золотых лебедей.
С переделкинского перрона
мне б сойти с красной сумкой моей,

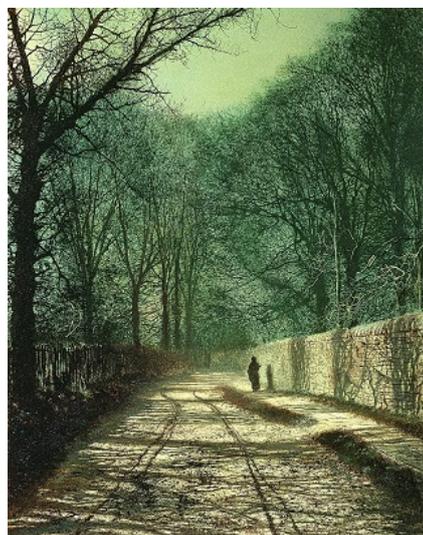
Как часто заблуждалась я, бродя в потемках
чужих и равнодушных душ!
Все верила слову, сказанному невзначай,
и взгляду, украдкой проскользнувшему,
все принимала случайность за счастье,
заглянувшее ко мне, и, спотыкаясь,
срывала кожу с колен, и ноги мои, уставшие
в погоне за эфемерным счастьем,
часто отказывались мне служить.
Меня винули в непостоянстве,
но в том моя вина,
что я доверчива и прямодушна.
Кто распознает, в чем моя вина?

А жизнь моя – многосерийный фильм, –
пока еще не кончается.
Разные декорации,
разный стиль.
Земля и небо.
Благодарение Господу –
не забыла слова,
я живу между былью и небылью,
и тетрадь моя
то густо исписана,
то пустой листок...
Сколько бусинок нанизано
на тоненький волосок...
«Не нанизывай,
живи между смертью и жизнью!»

где стихов непочатые горы,
где тропинки знакомые ждут,
где знакомые и незнакомые
подмосковные песни поют.

Где на ветке живая Жар-птица,
каждый камешек – амулет,
мне привидится, мне приснится
то, чего и на свете нет.

Я не стану царевной, царицей,
я на землю мою упаду,
где знакомая с детства синица
мне заменит морскую звезду.

А жизнь моя –
многосерийный фильм,
плохие актеры,
страшные сказки...
А мне бы припасть
к роднику!
Испить хрустальной водицы
и улететь, в синеву погрузиться.
Но крылья натружены, я не могу.
А жизнь продолжается.
Не судите,
да не судимы будете!

ПАМЯТИ ДИНЫ ТЕРЕЩЕНКО

Ей сто пять бы сейчас
Исполнилось, талантливой и яркой.
Но в девяносто три ушла от нас,
Оставшись в нашей памяти подарком.

Нелёгкой поэтессы жизнь была:
В пятнадцать лет, уехав на Магнитку,
Стихи писать впервые начала,
Жизнь прошивая ими, словно ниткой.

Тридцать седьмой... Год для её семьи,
Задев крылом, не прокатился мимо.
Она выходит замуж... без любви —
Себя, уехав с мужем, сохранила.

Роман писала в девяносто два,
Спешила, только не смогла закончить.
Семь лет до ста она не дожила,
Её талант мы будем вечно помнить!

Мила Григ

Рисунки: Ana Munoz Reyes, Игорь Медведев, Pascal Chove, Юстина Копаня, John Atkinson, картинки из интернета.

